

Мартышк МОНЯ

Мартышк Моня

Оглавление

Часть 1.....	2
Глава 1.....	2
Глава 2.....	4
Часть 2.....	7

Часть 1

Глава 1

*...Жалеем слонов с далекой суматры
И ближнего топчем ногой..
Трофим.*

Посвящается маленькой мартышке, которая навсегда останется в моей памяти...

Что ж, дорогие мои читатели, решился я наконец начать свое повествование про один из самых бурных и насыщенных отрезков своей жизни, связанный с плотным изучением этнографии и фауны африканского континента. Не скажу, что в среде людей, бороздящих моря и океаны, африканское направление было в фаворе и почёте, ибо подразумевало затяжные рейсы с непредсказуемой датой возвращения в родной порт, жару, сломанные кондиционеры на судах с ужасающе длинной историей со дня своего схода со стапелей. И вечный ремонт аппаратуры. Не добавляла популярности этим рейсам и криминогенная обстановка в странах черного континента.

Но полная моя несостоятельность, как взяточдателя в отдел кадров, решила мою судьбу на несколько лет, чему я по прошествии времени огорчаюсь не шибко.

Этот рейс изначально отличался от остальных веселым составом экипажа, главным отличительным качеством которого была замечательная коммуникабельность и сплоченность коллектива вокруг самого себя. Об этом говорит то, что запасы сухого вина, которое положено выдавать морякам после пересечения границы тропиков, было выпито еще в родном порту Таллинна. Ну, ничего, это позволило в тропических широтах при коммерческой жилке старпома потреблять на халяву Мартини вместо нелюбимого и кислешего Ркацители и Вазисубани советского разлива.

Одно теперь понимается больше, чем тогда. Это офигенный респект капитану за его стремление выжить, не сойти с ума, и обеспечить безопасность мореплавания с учетом того, что весь экипаж имел ярко выраженную алкогольную зависимость, в то время, как капитан не пил даже крепкого кофе. Конечно, поговорку «если ты не пьешь, значит ты либо больной, либо подлец» никто не отменял.

Я снова опущу многие замечательные подробности пути из северных широт в южные, ибо они могут появиться по вашим заявкам отдельными рассказами («Митёк», «Как я сбрил усы», «Рыбаки Гвинеи-Биссау», «Ангольские зарисовки» и др.), и как того требует

тема данного повествования, перейду к тому моменту, когда наш пароходик, дымя и пощёривая от жары и перегара его экипажа, выгрузив стратегические запасы оружия, риса и кильки в томате для бойцов офигенной революционной армии черномазых, вышел из порта Луанды (Ангола) в турне загрузки по странам Западной Африки.

Что можно сказать о содержимом трюмов, кают и тайных нычек нашего парохода? По своему составу – это был цирк зверей господина-дрессировщика Дурова на дизельном ходу. Нет, несмотря на тяготы и лишения (отсутствие русской водки при наличии тяжелых ликёров и прочей дребедени в Анголе) экипаж оставил на чужом берегу белочек и прочих зеленых человечков, и мог называться гомосапиенсами без всякой натяжки и искажений. Но шум тропического леса с голосами попугайчиков, криками диких зверей перекрывал гул главного дизеля и вибрацию динамо-машин.

Волнистые попугайчики, хамоватые жако, ара и какаду учились мату со старательностью первоклашек, и казалось, что даже три обезьяны, отправившиеся в путь на Европу, начнут пить спирт и выходить на судовую вахту. И только их размеры отличали зверьков от некоторых членов экипажа, порой вынужденных даже не посещать кают-компанию.

Цифры северной широты начали медленно увеличиваться, и всплывали в памяти наказы и заявки домашних. «Привези мне обезьянку» - клянчила моя жена все время, когда я уходил в очередной африканский рейс. « Ты подлечи голову, пока меня не будет» - так ласково и безотказно я всегда отвечал своей ненаглядной. Может еще ручного негра провезти в Союз или, на худой конец, гиппопотама с детенышами? Мне очень не хотелось идти по статье за контрабанду.

Но чем дольше длится рейс, тем больше ты скучаешь по семье, и хочешь сделать сюрприз по приходу в родной порт. Стоп! Главное, чтобы сюрпризом не стал сам приход мужа домой. Не стоит испытывать судьбу! Это правило касается всех командировочных мужей. Все чаще, с завистью глядя на моих бесшабашных друзей, мне приходили в голову мысли о главном подарке, который ожидать мои родные и не надеялись никогда. Адская смесь напитков, употребленный за несколько месяцев тропического пути, организмом быстро очиститься не могла, и вот уже строятся планы, жалеются упущенные возможности приобретения такой зверюшки в Анголе (где под присмотром наших автоматчиков наше было всё), набирается опыт общения с африканской фауной в каютах товарищей.

Итак, решение было принято. Деньги были пропиты. Энтузиазм присутствовал, благоразумность не буйствовала. Впереди – порт Заира.

Все товарно-денежные отношения моряков с местными фарцовщиками складываются прямо у трапа парохода. Я понимаю, откуда в этих жарких странах имеется ТАКАЯ потребность в кипятильниках, электрочайниках, и даже электронагревателях!

Но скажите, зачем им паяльники?! Оптом?! Мне этот маркетинг не понять. Да и не надо, главное, что б необходимый запас этих или иных почётных ништяков имелся.

На обратном пути, конечно, этот способ приобретения экзотических товаров становится, по понятным причинам, затруднён.

Договорённость была достигнута с помощью пасты для бритья, начатого тюбика зубной пасты, блока сигарет «Стюардесса», пары безделушек, и, о, боги! – целых 5 долларов наличными, что свидетельствовало о моем непоколебимом решении и отсутствии времени торговаться.

Но все приключение только начиналось, ибо ехать предстояло на такси в горный аул, где в какой-то африканской хижине родились обезьяныши. Проводником был негрила из местных портовых, с кем и велись предварительные переговоры.

- Не курите тут, - произнес наш сопровождающий, пока мы поднимались вверх по узким улочкам высокогорного аула, куда дальше такси не поехало (Ужас!Почему?).

«Ага, блин, местные правила, решил я. Ну еге, их нарушать, может религия какая? А мы без оружия». И бросил сигарету в канаву. Через метров 50 я понял причину сказанного.

Голова закружилась от изменения состава воздуха. Нет, как пахло говном в этом посёлке не городского типа, так и продолжало, а почувствовалась нехватка кислорода от изменения высоты над уровнем любимого нами моря.

Шли долго, и я начал подумывать об ориентации в пространстве путём применения каких-нибудь фишек наподобие сказок про Машеньку и медведей, мальчика-с-пальчика и прочих, где походу надо что-то бросать на дорогу. Кроме собственных плевков я ничем себе помочь не мог и всецело положился на судьбу.

Семья пожилых негров нас встретила приветливо. Чем-то предложили угоститься, но это не вызывало у меня прилива аппетита. Да и вообще, я старался не поворачиваться спиной к тем местам, откуда мог еще кто-то вылезти. Так я давно не был обеспокоен. Хе-хе. Тем не менее, я уже осматривал маленькую тушку с лысой, рахитичной от недостатка витаминов и еды в целом, головой. Это и была та мартышка, из-за которой я повторил путь Миклухо-Маклая.

Все хорошо, что хорошо заканчивается, решил я, и понял, что это надо заканчивать, пока оно действительно хорошо. А без мартышки меня вряд ли отсюда выпустят, или не станут провожать обратно, что в принципе, одно и то же.

Так я обрёл счастье, которое воняло, как американский скунс, размером было меньше зародыша, и лишь врожденная наглость позволяла этому существу продолжать земное существование.

Глава 2

Да простят меня мои уважаемые читатели за то, что Глава 1 прервалась, оставив нас с обезьяниным зародышем в далекой горной африканской деревушке. Спешу сообщить, что обратное путешествие в порт происходило легко, не оставив следа в моей и так прохудившейся памяти. Итак, я с мечтой половины населения нашей страны на руках, прибыл в свою каюту, которую мне предстояло делить теперь на двоих на долгие месяцы.

Это ли не было поводом для веселой и глобальной пьянки, на которую меня подбивали мои коллеги с предложением посетить местное африканское заведение, пользующееся повышенным спросом у нашего экипажа. Не то чтоб я был очень брезглив, но и случая как то до этого не подворачивалось. После стакана коньяка в каюте старпома, все сомнения отпали, не успев выразиться в словесной форме.

Я быстрым движением выкинул какие-то справочники по радиосвязи из книжной полки, которая закрывалась раздвижным стеклом и представляла, на мой взгляд, идеальное место для существования маленькой обезьянки, во всяком случае, пока её хозяин отмечает столь неординарное событие в кабаке. Оставив маленькую щелку, что б мартышк не задохнулся, я в сопровождении дружков-алкоголиков отбыл на берег.

Кабак был лучшим в этом порту, что, конечно, не делало его самым изысканным. А пиво? К сожалению пивной бренд «Примус» так и не добрался до нашей страны и поныне, поэтому могу сказать только то, что пива было много. И этим сказано все.

Мы сидели на веранде кабака, и на нас опускалась черная густая тропическая ночь, утапливая в пыльный асфальт горячий кисель тухлых запахов дня, и окутывая нас ароматами южных растений. Кружилась голова от покоя и усталости. И еще от коньяка, ... а еще от нескольких литров пива, которое уютно поселилось в каждом из нас и говорило всем:

- Чувствуйте себя, как дома, пацаны!

И мы чувствовали. Беседа лилась уютно и шумно. Посреди всего этого гвалта я вспомнил, что приобрел сокровище, имени которому еще не дано. И не заставляя мозг долго

напрягаться, обезьяныш был назван Парамоном, на что все разумно сократили имя на Моню.

- Ладно, согласился я, - для друзей можно просто Моня.

Тропическая ночь уже полностью вступила в свои права и на наших плечах уже лежали очень смуглые руки местных красоток. Причем, скосив уже и так косые глаза, я понял, что это определение брать в кавычки абсолютно не стоит. Со мной сидела мулатка с европейскими чертами лица, стройной фигурой и нарисованной точкой на лбу, на подобии кастовой отметки у индийских женщин. Её звали Сезанна, и это имя почему-то я помню до сих пор, позабыв имена многих женщин, встретившихся мне на моём долгом пути из страны в страну, с одного континента на другой.

Из допотопного, но громкого музыкального центра грянула ламбада. Други мои, тогда это была самая модная музыка в кабаках. А мы были молоды, смешливы и пьяны...

И я слышу до сих пор этот горячий шёпот с французским прононсом прямо мне в ухо:

- No problem, Serg, no problem...

Спустя час такси нас привезло к ней домой. Добрую половину комнаты в хибаре занимала огромная кровать. Это основное, что моя память мне подкидывает из тех стоп-кадров, которые сохранились на утро.

Мои юные друзья! Я обращаюсь к вам с высоты прожитых лет и тысяч пройденных миль! Если вы решили провести ночь с Наоми Кемпбел, Ангелиной Джоли или Шерон Стоун, никогда, слышите, НИКОГДА не нажирайтесь в хлам, в мясо, в стельку, в дрова и педаль! Так же не стоит нажираться в сопли. Поверьте, для этого у вас будет много другого подходящего времени.

Что ж, несмотря на то, что мне, в отличии от вас, таких советов никто не давал, и поэтому я был нетрезв просто в якоря, этих стоп-кадров я не забуду. Как не забуду и ту черную тропическую ночь в хрен знает каком районе портового города в Заире, куда я вышел, что бы поспешить к маленькому зверьку по имени Моня, который ждал меня в книжной полке моей каюты. Я не падал, потому что держался за стену дома и думал о том, что найти такси будет наверное проблематично, если не сказать хуже и матом. И уже в темноте проглядывали подозрительные силуэты заинтересованных личностей криминального вида.

И тут у моего уха снова прозвучали волшебные слова:

- No problem, Serg, no problem...

Обернувшись, я увидел её, и в пяти метрах от меня стояло невесть как появившееся такси. Дай бог тебе здоровья, девочка, и богатого любовника в придачу. Через двадцать минут я был на борту нашего сухогруза...

Чем отличается пьяный моряк от других таких же мужиков? Тем, что он не упадет до того момента, когда уже будет сделано всё, что ему предписано совершить в этот момент. А у меня была впереди встреча с Монею.

Что б понять весь ужас Мониного положения, надо знать небольшие нюансы судов немецкой постройки верфи «Варнемюнде» второй половины прошлого века. Во время стоянки судна, для обеспечения электроснабжения работает дизельная динамо-машина (она же дизель-генератор). Вибрация от этого девайса заставляет трястись все переборки (по-вашему - стенки) помещений на судне. Включая ту стену, которая держала книжную полку, оборудованную под клетку для несчастного зверька.

Я никогда не видел ТАК обдристанную книжную полку! И такого обдристанного обезьяна в ней! Это зрелище привело меня в наитрезвейшее состояние и я был наказан долгими процедурами отмывания всего этого от говна до самого утра.

Прошло много дней, пока Моне стал нормально переваривать пищу, причём его природная наглость позволяла превращать в еду все, что могут достать его маленькие черные кожаные пальчики. Все, что влезало в его рот, оснащенный как у хомяков защечными мешками. Выходя из каюты, ему строго-настрого запрещалось спать у меня на койке. При этом я, когда заходил в каюту обратно, всегда знал, что увижу его лежащим головой на подушке и под моим одеялом. Было достаточно доли секунды, что бы он, услышав стук двери, уже оказывался на шкафу или в ином, труднодоступном для моей мести положении.

За время пути домой, Моне подрос, закабанел, заросла его рахитичная лысина на башке, и на её месте красовался гордый ирокез. Он пристрастился к сладким алкогольным напиткам, которыми в мое отсутствие порой угощали его друзья. Он расправил худенькие плечики, и уже защищал любимого папочку от непочтительных телодвижений со стороны остального народа, смешно чирикавая и цыкая, и, если это не приводило обидчика в позорное бегство, мог броситься и вцепиться зубками во врага. В оставшееся свободное время он проводил на моем плече или забравшись под свитер, высунув свой белый шерстяной носик с огромными, как у лемура глазами.

Любая дорога когда-нибудь должна заканчиваться.

Впереди сквозь дымку утреннего тумана проступал внутренний рейд порта Таллинн. Пароход, идущий сложными путями из Анголы, подходил к финишной черте своего очередного рейса не с пустыми трюмами и каютами. Ни до, ни после этого рейса ни один советский моряк в страшном сне не желал бы увидеть столько заманчивых для конца своей карьеры ништяков на борту! А ништяков было много: поющие попугайчики веселеньких расцветок, оружие в прямом смысле матам, огромные попугаи ара и прочие какаду, четыре обезьяны... И, как потом выяснилось, еще несколько автоматов Калашникова и неплохое количество пистолетов ПМ.

Все это великолепие неумолимо надвигалось на встречу с таллиннской таможней! Весь счастливый угар длиннющего рейса разом превратился в нездоровую нервозность на борту. Взяв у доктора снотворного, я решил скормить Моне приличную дозу, что б он спал под одеялом и не питюкал, если вдруг на нашу капитанскую палубу придут шмональщики с таможни, в совокупности с санитарными врачами. Конечно, надежда была слабая, но других действий предпринять было невозможно. Запихав в нервничающего обезьяна снотворное колесо, я начал ждать, что не скажешь о Моне. Он засыпать не собирался!! Он прыгал, волновался за мою судьбу, Что-то верещал на своём африканском наречии, и в конце, забравшись мне под свитер, сделал то, что с первого дна себе не позволял делать на мне – правильно! – он обоссрался!

Вот так обоссранный, с орущим Моне за шкуркой я принял решение сдаться! Но на спас небольшой нюанс даты нашего прихода в порт. Мы пришли 7 ноября, что по старым советским правилам означало праздник Революции! И в те времена уже открытой конфронтации с эстонскими националистами, призывавшими отменить оккупантам этот повод для пьянки, каждый проживающий в Эстонии русский считал своим долгом нажраться в стельку, дабы досадить нападкам со стороны реакционной политики. Ну а кто у нас погранцы и таможня в те года? Конечно, все русские. Теперь делайте вывод.

Когда я вышел к главному трапу и глянул вниз, зеленые погоны погранцов выписывали всякие геометрические фигуры, служа для таможни и врачей ориентиром к выходу, ибо траектория последних описанию, с точки зрения Эвклидовой геометрии, не поддавалась.

Я понял, что мы пришли домой. И что у нас все будет хорошо. Что из путешествия нам останется только самое смешное – путь в Питер. И я пошел относить свитер в помойку...

Часть 2

Лет 15 назад ваш покорный слуга бороздил просторы морей, океанов и прочих частей водной оболочки нашей планеты. Судьба-злодейка распорядилась так, что эти мокрые части почему-то всегда располагались в экваториальной части глобуса, как в наименее пригодной для сохранения в свежем состоянии мозгов и печени. Но оставим аспекты влияния тропиков на организм нашим патологоанатомам. И рассмотрим такую важную составляющую жизни моряков, как возвращение из рейса. Об этом сложены песни и стихи (грустные чаще всего), а так же бесконечные анекдоты.

Возвращение из рейса – это как день рождения и Новый год одновременно. Как ты любишь эти лица, вид которых еще 3-6 месяцев назад тебе порядком настолебнил! Как в полной мере ты понимаешь, что значит расставаться, скучать и приходиться!

Но, как говорил замечательный писатель-маринист В Конецкий, «кто в море не ходил, тот нас до гроба не поймет». Поэтому, особо не рассчитывая на барабанный стук ваших сердец при словах «возвращение из рейса», замечу, что каждый из читающих подтвердит постулат о том, что это событие в кругу друзей должно быть обмыто, как положено, с размахом, прямо-пропорциональным сроку расставания. Сказать-то хорошо, а вот добыть сие лекарство от морщин в пору тотального дефицита и карточно-талонной системы (как вы помните, речь идет об эпохе смерти социализма) было сложно, а подчас и нереально. Длинные очереди страждущих были сопоставимы с очередью в Мавзолей в застойные годы. Сам-то конечно, я в мавзолее не был, но видел фотографии. Задачу предстояло решать методом патрулирования на машине всех магазинов Московского района г. Ленинграда. Экипаж был собран, включая почетных членов, талоны на водку – в потном кулачке. И был даден старт.

Как вы поняли из первой части этой повести, в те годы почетное место среди членов моей семьи занимал гордый африканский зверёк Моня. Порода у Мони была редкая – малая белоногая мартышка Шмидта (дети лейтенанта, наверное, за что просится респект известному офицеру). Появление Мони у меня детально и красочно расписано в 1 Части, поэтому и отвлекаться на это не стану. При всех поездках со мной на машине, Моня гордо восседал на торпедо, задом к лобовому стеклу, держась за руль маленькими черными кожаными пальчиками и с серьезнейшим видом вертя умную, озабоченную физиономию, веселя и прикалывая всех участников дорожного движения.

И вот, в такой веселой компании, наш рейд по лабазам достиг полуподвального магазина на Московском проспекте, где огромная очередь, человек в 100, говорила о том, что данное место может осчастливить волшебными напитками тех, кто в двадцатиградусный мороз сможет достоять очередь, и ограниченные запасы целебной воды не закончатся за два человека до него. Оптимистов было много. Пессимисты даже не пытались пролезть без очереди, ибо это было чревато самосудом, и контролировалось лейтенантом милиции на входе.

Я, заняв очередь, пошел ко входу, что б определить свою принадлежность к оптимистам информацией о запасах топлива в магазине. Моня вне машины находился как обычно, у меня под свитером, выставив наружу через ворот свитера только пол головы с огромными как у лемура глазищами в обрамлении синеватой (от природы) кожи.

На подходе к началу очереди я услышал возмущенный шум толпы, взмахи рук и крики.

Какой-то человек без чувства юмора и самосохранения предпринял попытку прорыва в магазин. Наивного негодяя отпинали, и очередь продолжала громко обсуждать человеческую наглость. Я присоединился в живому человеческому общению:

- Действительно, говорю, некрасиво! Люди стоят часами, а этот! Вот взять, к примеру, нас с Мoneй. Мы стоим в конце очереди и нам холодно. Не привыкли мы, только что вот из Африки. Мартышка даже вот посинела вся, а этот хам без очереди лезет, хоть и в шапке! А еще очки одел!

Народ примолк. Одна женщина в каракулевой шубе прошептала:

- Как? Обезьяна? Покажиите пожалуйста!

Мужчина в шапке-петушке с надписью Олимпиада-80, увидев природную синеву вокруг моних глаз закричал:

- Бля! Народ! Обезьянка действительно посинела!

Это уже обращаясь ко мне:

- Садист, что ж обезьянку морозишь!

Бабушка с кошелкой:

- Милай! Дык вы проходите в магазин, погрейтесь, чаво ж на улице томитесь!

Я, возмущенно, в позе Нерона:

- Нет! Мы – в конце очереди! И будем стоять, ибо мы с Мoneй – за справедливость и народное равенство! Без очереди - не пойдём!

И ножкой так топнул, что б уже всем ясно стало, что африканцы – народ гордый и свободолюбивый.

Толпа заколыхалась:

- Ну какой гад, вы гляньте! Сам стоит и обезьянку морозит!

Милиционер:

- А что, граждане, если товарищ нам покажет животное, то давайте и впрямь, запустим в тепло этот зоопарк?

- Заводи его! Не позволим заморозить зверюшку!- кричала толпа.

И я, опасаясь расправы над собой, согласился войти в магазин.

Внутренний голос благодарил природу за разнообразие расцветок обезьяньей кожи, а сам я радовался, что мы не замерзли, нас не разорвала толпа, и что я не буду обоссан под свитером, или еще чего хуже.

Получив доступ к заветному прилавку, я затарился русским лекарством от морозов и нервов, без ограничений в количестве, а мой друг Мoneя, веселя продавцов и милицию, скакал по полкам и гадил на батарею, вызывая бурные восторги публики!

...Прошло очень много лет с тех пор. Я надеюсь, тебе, мой незабвенный и преданный друг Мoneя, в твоём обезьянковском раю живет хорошо и привольно, и молодые мартышки носят тебе на блюде солёные грибочки, мартини и сгущенное молоко в таких же маленьких баночках, как ты любил. Я помню тебя и люблю ...

Сергей Навагин(с) 2006